

Предисловие

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ «ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ»

Оказывается, легче написать книгу, чем написать о книге, которую ты написал.

Есть ли в этом смысл? Да, есть. Наверно, потому, что уже написанная книга словно вырублена в камне. Здесь уже ни убавить ни прибавить, все на своих местах. А может, и нет, потому что писатель, если ему повезет, еще не вырублен в камне и находится в пути, то есть узнает все больше и больше о том, *как* писать. Поэтому иногда трудно оглядываться на более ранние работы: неизбежно найдешь такое, что захочется убрать или добавить, но каменную глыбу не сдвинуть.

В то же время замечу: оглядываясь назад и перечитывая «Жизнь мальчишки», я нахожу немного, что хотел бы изменить. Всегда верил: когда работа над книгой подходит к концу, большая удача для автора, если в ней окажутся пятьдесят процентов того, на что он надеялся, когда начинал свой труд. Завершив «Жизнь мальчишки», я обнаружил в ней, к своему удивлению, около девяноста процентов того, что надеялся увидеть на страницах этой книги.

Когда я пишу, никогда не имею четкого плана. У меня есть, как я их называю, «ключевые сцены»: то, что происходит в начале, в середине и ближе к концу — и, как я надеюсь, позволяет мне идти в правильном направлении. Однажды я попытался использовать план и не закончил книгу. Я уже знал все, что должно случиться, так в чем же смысл?

Пожалуй, я пытаюсь сказать, что пишу прежде всего для самого себя: хочу стать «первым читателем». Хочу писать книги, которые прочел бы для удовольствия, если бы так усердно не работал, чтобы написать их. В этом есть смысл — по крайней мере, для меня, — и такой подход к писательству всегда дает мне возможность что-то предвкушать в будущем.

Итак, если вы держите сейчас в руках это новое издание «Жизни мальчишки» и просматриваете эту мою болтовню, вы, возможно, уже прочли книгу или собираетесь читать ее в первый раз. Думаю, я сумел вам объяснить, почему написал эту книгу, но вначале позвольте дать вам ответ на вопрос, который мне часто задают в связи с этим произведением.

Вопрос следующий: не является ли «Жизнь мальчишки» автобиографической книгой?

Ответ: «да». И я действительно считаю себя персонажем книги. Но я не Кори — главный герой. С кем же я больше всего идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»? Об этом расскажу немного позднее.

О книге. Она начиналась с загадочного убийства в маленьком южном городе, и намечалось, что в ней окажется еще одна тайна, связанная со вторым городком, который был затоплен и оказался на дне озера. Главным героем должен был стать шериф, и... о господи, здесь меня потянуло в сон!

Я долго и внимательно перечитывал две сотни уже написанных страниц и решил, что этот сюжет не сработает: в картине не просматривались жизненные черты. В течение нескольких лет я держал в голове историю мальчика, который хочет стать писателем, и события, происходящие в его родном городке, которые повлияли на его жизнь, но все время откладывал все это в долгий ящик. И вот в моей голове вновь возникли южный город и убийство, и я подумал... хорошо, попробую написать книгу о мальчике.

Я начал писать «Жизнь мальчишки» без всякого плана, но идей у меня было много. И внезапно картина заиграла красками. Она обрела *яростную* жизнь, которую я прежде редко ощущал в своих произведениях. Я бегло просмотрел написанное. Теперь, не говоря уже о том, что работа над книгой не представляла собой трудности и мне не приходилось многое обдумывать и работать сотни и сотни часов, «Жизнь мальчишки» действительно продвигалась, и мне приходилось лишь слегка поворачивать рулевое колесо, чтобы задать правильное, на мой взгляд, направление.

Вот так бывает с писательством, такая это штука. Когда не пишется, ни одна душа на свете тебе не поможет. Ни жена, ни брат или сестра, ни лучший друг, ни редактор. Никто. Потому что никто не понимает твою работу так, как ты сам. Если возникает проблема, решать ее тебе, и только тебе.

И наоборот: когда работа идет хорошо... что можно сказать? Что я слышу пение ангелов? Слышу музыку сфер или нечто подобное? Что каждое предсказание судьбы гласит: «Большой успех ждет тебя впереди, если ты чего-нибудь не напутаешь»?

Думаю, что-то вроде этого. Когда работа идет хорошо, ты видишь, что картина обретает жизнь: люди реальны — ты знаешь их, видишь их лица и понимаешь, что некоторым образом творишь жизнь... Не думаю, что в мире есть большая радость.

Когда «Жизнь мальчишки» оказалась окончена, я испытывал эйфорию от того, что сделал. Я отправил книгу издателю, думая при этом: «Рик, они позвонят тебе, будучи на седьмом небе, и скажут, что и не подозревали в тебе такого таланта, не похожего ни на что, и как они рады, что тебе удалось выполнить такую замечательную работу».

И я ждал. Долго ждал. Наконец мне позвонили.

«Рик, послушай. Ну, ты знаешь... Насчет книги. Нам она действительно понравилась, но... Это история об убийстве, и ты собьешь с толку читателей: они будут думать, что книга автобиографическая. Знаешь, тебе придется выбросить все, что ты написал о городе и его людях, и сосредоточить внимание на убийстве».

Простите. Простите. Я только... наверно, что-то не в порядке с телефоном. Извините.

Собравшись с духом, я перезвонил и сказал: «Мы обсудим то, о чем вы говорили, в вашем офисе завтра». Потом я поехал в аэропорт с парнем из Бирмингема, Алабама, без всякого литературного образования, но любящим читать и писать, и с чувством, что в этот раз мне предстоит отстаивать то, во что я верю. И я полетел в Нью-Йорк, чтобы встретиться лицом к лицу с важными издательскими шишками.

Я сказал, что в книге ничего менять не могу и, если они продолжат настаивать на этих изменениях, мне придется разорвать подписанный с ними контракт, пусть даже из-за этого веселый костер моей карьеры превратится в пепел.

Они привели некоторые факты и цифры из диаграммы, висящей на стене, о том, какие неприятности случаются у писателей, которые пытаются выйти за пределы отведенных им рамок, но потом сказали: «Ладно. Пусть будет по-вашему: вы автор, и, если вы так убеждены в своей правоте, мы полагаемся на вас».

Это было здорово. По-настоящему здорово. И все же... Понимаете, когда кто-то смотрит на вашего ребенка и говорит: «Ну что ж,

очень милый, хороший и сильный», — частичка радости творения улетучивается. Частичка желания, заставившего вас стать писателем, очень тихо выходит за дверь.

«Жизнь мальчишки» была написана не для детей, но за годы, прошедшие с ее первой публикации, она приобрела огромную аудиторию среди юных читателей. Не знаю точных цифр, но ее изучают в школах по всей стране. Я знаю это, потому что много раз выступал перед школьниками и студентами, изучающими английский язык, в гимнастических залах и аудиториях. Однажды я получил письмо от шотландского джентльмена, которому было за восемьдесят, в другой раз — от тринадцатилетнего мальчишки из Сиэтла, и оба писали, как им понравилась книга. Думаю, она теперь издана во всем мире. Удивительно видеть обложку японского издания с изображением Кори, стоящего на берегу озера.

Должен упомянуть еще об одном полученном письме, потому что оно стало для меня... не знаю даже, как мне описать свои чувства.

Несколько лет назад мне написала женщина и сообщила, что скончался ее престарелый отец, который попросил перед смертью, чтобы экземпляр его любимой книги похоронили вместе с ним. Она хотела, чтобы я знал об этом.

Ее отец вновь и вновь перечитывал эту книгу. Он делал это так часто, что произведение превратилось для него в постоянного спутника и собеседника.

Не так давно я побывал в большом книжном магазине, причем не в моем родном городе, и набрел на стенд, обозначенный как «стол классиков». На этом стенде стояли романы Диккенса, Гюго, Стейнбека, Твена, Жюль Верна, Апдайка, Воннегута... — все, что учителя рекомендуют для чтения учащимся, то, что им *следует* прочитать, чтобы мир не стал хуже.

Там же находилась и моя книга. «Жизнь мальчишки» лежала среди этих книг, этих великих имен.

Мое дитя.

Я сомневаюсь, что смогу когда-нибудь написать еще одну книгу, достойную оказаться на этом стенде. Бог свидетель, я буду пытаться. Но здесь уже есть одна моя книга, и, думаю, одной достаточно.

Персонаж, с которым я в первую очередь идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»?

Наверно, вы уже поняли. Это Вернон, чья мечта разрушилась под тяжестью доски с диаграммой, упавшей со стены. Потому что он не выдержал жизни в том офисе в Нью-Йорке. Потому что без боя вернулся домой в Зефир и отгородился от окружающего мира.

Он пробудился и по-прежнему был жив.

Я всегда хотел где-то использовать эту фразу. Мне кажется, это удачное место.

Если вы читаете «Жизнь мальчишки» в первый раз, я надеюсь, что она вам понравится. Надеюсь, что благодаря ей вы сможете побывать в местах, о существовании которых даже не догадывались... в местах, о существовании которых, возможно, забыли.

Если вы читаете книгу во второй или в третий раз, добро пожаловать в Зефир снова! Вы вновь прочтете о жизни Кори и о его мире, о вечно длящихся летних днях, о восхитительных тайнах, о скрытых от постороннего глаза местах и магии, которая есть в каждом из нас, просто иногда она сворачивается калачиком и ложится спать, дожидаясь, когда ее лучший друг вернется домой.

Спасибо вам.

*Роберт «Рик» Маккаммон
29 января 2008 г.
Сразу же после полуночи*

*Ватагой шумных бестий,
Всех дьяволов страшной,
По самым гиблым чашам
Гоняли мы чертей.
А вытив лимонада,
Сквозь горлышко и дно
На горизонт смотрели:
Он был недалеко.
За ним, в краю волшебном
И наш остался след,
Хоть на автомобиле
Туда дороги нет.
Нам были псы как братья,
На великах на Марс,
Оттуда и обратно
Гоняли мы не раз.
Тарзаном на лианах
Любили мы летать
И шпаги, словно Зорро,
Отважно обнажать.
Грядущее казалось
Далекою страной,
Где мамы не старели,
Где каждый был герой.
Напоминало время
Зыбущие пески,
Взахлеб тогда мы жили,
Плевав на синяки.
Уж в зеркале седины
Я вижу у висков.
Но книга не об этом —
Она для пацанов¹.*

¹ Перевод Михаила Тарасова.

Прежде чем мы начнем наше путешествие, хочу сказать вам важную вещь.

Я сам пережил все то, что изложено на этих страницах. Но когда ведешь повествование от первого лица, возникает одна проблема. Читатель уже заранее знает, что рассказчик в конце не будет убит. Поэтому, что бы со мной ни происходило, вы можете быть уверены, что я пережил все это, и подобный опыт мог сделать меня как чуточку лучше, так и чуточку хуже. Впрочем, об этом вы сможете составить собственное мнение.

В некоторых местах этого рассказа вы, пожалуй, скажете: «Эй-эй, погодите-ка, откуда он мог тогда знать, что это событие произошло либо что тот человек сказал или сделал то-то и то-то, если самого рассказчика там вовсе не было?» Ответ на этот вопрос таков: многое я узнал позже, что дало мне возможность заполнить пробелы, а в некоторых случаях пришлось додумывать события, иногда изменяя то, что происходило на самом деле.

Я родился в июле 1952 года и сейчас нахожусь на пороге своего сорокалетия. Уже солидный возраст, не правда ли? Я больше не «многообещающий молодой талант», как меня называли критики. Я тот, кто я есть. Писать я начал еще в школе, а придумывать всевозможные истории стал задолго до того, как понял, чем же на самом деле занимаюсь. Писателем себя по-настоящему ощутил в 1978 году, после первой публикации. Или я был всего лишь автором? «Сочинителем книг в мягких обложках», как пели когда-то «Битлз»? Или автором книг в твердых переплетах? В одном я определенно уверен: я всегда мечтал увидеть свои книги в твердых переплетах. Я страдал от пинков и улыбался, встречаясь с добрым к себе отношением, как и любой из наших братьев и сестер в этом изменчивом мире. Бог благословил меня, наделив способностью кроить характеры и миры из словесной ткани. Так кто же я? Писатель? Автор?

А может быть, просто рассказчик?

Мне захотелось изложить на бумаге то, что сберегла моя память: так мои воспоминания сохранятся надолго. Дело в том, что я верю в магию и волшебство, потому что родился и рос в удивительное, волшебное время в волшебном городке, в котором жили волшебники. Увы, мало кто понимал, что мы жили в паутине магии и волшебства, связанные серебряными нитями случайностей и обстоятельств. Но я знал об этом всегда. Когда мне было двенадцать лет, мир был моим волшебным фонарем, и благодаря его зеленому призрачному свечению я видел прошлое, настоящее и мог заглядывать в будущее. Возможно, и у вас было то же самое, просто вы не можете вспомнить об этом. Видите ли, я думаю, что мы все несем в себе волшебство в начале нашей жизни. Все мы рождаемся с ураганами, лесными пожарами и кометами в душе. Мы рождаемся наделенные даром петь, как птицы, читать по облакам и видеть нашу судьбу в крупинках песка. Но чем больше мы узнаем, тем меньше волшебного остается в наших душах. Волшебство уходит от нас вместе с привычкой посещать церковь, со шлепками родителей, оно вымывается и вычесывается из нашей души. Мы вынуждены выбирать прямые и узкие дорожки, нам постоянно твердят, что мы должны воспитывать в себе чувство ответственности. Нам следует поступать так, как приличествует нашему возрасту. Нам велят сначала вырасти, повзрослеть... Боже мой! А знаете почему? Потому что люди, которые так говорят, боятся нашей юности и нашей необузданности, потому что волшебство, которым мы обладаем в детстве, заставляет их стыдиться и горевать о том, что они позволили погубить в самих себе.

Когда ты удаляешься от всего этого, то действительно не можешь вернуть это назад. Потом могут возникать лишь мимолетные мгновения. Какие-то секунды ощущений и воспоминаний. Когда люди плачут в кино, это происходит потому, что в темном зале их на миг омывают золотые воды магии, но длится это какой-то миг, не более. Потом они вновь оказываются на ярком безжалостном солнце неумолимой логики и рассудка, и солнце это иссушает их души. Они продолжают испытывать какое-то легкое сердечное томление, сами не зная почему. Но когда песня пробуждает воспоминание, когда пылинки попадают в луч солнечного света, приковывая внимание и отвлекая от остального мира, когда ночью слышишь, как где-то далеко стучат колеса поезда, и гадаешь,

куда он может направляться, ты выходишь за отведенные тебе пределы и на краткий миг оказываешься в сфере волшебного.

Именно в это я и верю.

Правда жизни в том, что с каждым годом мы уходим все дальше и дальше от той сущности, с которой были рождены. Мы взваливаем на себя многочисленные обязанности, некоторые из них приятные, некоторые — не очень. С нами происходят разные события. Умирают те, кого мы любим. Некоторые попадают в аварии и становятся калеками. Люди по той или иной причине сбиваются с пути. Такое нередко случается в нашем мире безумных лабиринтов. Жизнь делает все возможное, чтобы лишить нас воспоминаний о волшебном. Вы даже не подозреваете, что это происходит с вами, пока в один прекрасный день не ощутите какую-то потерю, не зная наверняка, что именно утратили. Словно вы улыбнулись хорошенькой девушке и услышали в ответ удивленное: «Сэр». Это просто происходит с вами, вот и все.

Воспоминания о том, кто я и где жил, для меня очень важны. Они составляют существенную часть того человека, каким я хочу стать, когда подойдет к концу мое путешествие. Мне просто необходима память о магии и волшебстве, если я когда-нибудь собираюсь вернуть их себе. Мне нужно знать их и помнить о них, и я хочу рассказать вам об этом.

Меня зовут Кори Джей Маккенсон. Я родился в городке под названием Зефир, на юге Алабамы. Там никогда не бывает слишком холодно или слишком жарко. Улицы Зефира затенены черными дубами, а у домов имеются веранды и противомоскитные сетки на окнах. Есть парк с двумя бейсбольными площадками, одна — для детей, другая — для взрослых. Вода в общественном бассейне отличалась чистотой и синевой, и дети ныряли в самую глубину за монетками, лежащими на дне. Каждый год 4 июля в Зефире устраивали барбекю, а в конце лета — литературный конкурс. В 1964 году, когда мне было двенадцать лет, население Зефира насчитывало примерно полторы тысячи человек. Достопримечательности города включали кафе «Яркая звезда», магазин «Вулворт» и маленькую бакалейную лавку «Пигли-Вигли». На десятой трассе был даже дом, где жили плохие девушки. Телевизор был не в каждой семье. В округе существовал «сухой закон», что означало процветание подпольной торговли спиртным. Дороги вели на юг, север, восток и запад, а ночью мимо проходил товарный поезд в сторону Бирмингема, оставляя после себя запах окалины. В Зефире

было четыре церкви, начальная школа и кладбище на Поултер-Хилле. Озеро здесь такое глубокое, что его вполне можно считать бездонным. Мой родной город был полон героев и злодеев: здесь жили честные люди, которые знали чистую красоту правды, и такие, кто ложь возвел в идеал. Мой городок наверняка напоминает тот, где провели свое детство вы.

Но все же Зефир был волшебным местом. Там при свете луны по улицам прогуливались духи. Они выходили из могил на заросшем травой кладбище, стояли на холме и разговаривали о старых временах, когда кока-кола имела свой подлинный вкус, когда можно было запросто отличить демократа от республиканца. Я знаю это. Я сам их слышал. Легкий бриз дул вдоль улиц, проникая сквозь противомоскитные сетки на окнах, и приносил с собой в дома легкий аромат жимолости и пробуждающейся любви, а зазубренные синеватые молнии разбивались о землю и будили ненависть. У нас случались ураганы и засухи, а речка, которая протекала рядом с нашим городом, имела дурную привычку разливаться. В мою пятую весну наводнение принесло на улицы змей. Потом сотни ястребов, словно черный смерч, спустились на землю и унесли змей в своих смертоносных клювах, а река незаметно вернулась в свои берега, как побитая собака. Потом показалось солнце, словно над городом прозвучал трубный глас, и над ржавыми, будто запятнанными кровью крышами моего родного городка за клубился пар.

У нас была своя чернокожая королева, которой было сто шесть лет. У нас был свой меткий стрелок, спасший жизнь Уайатту Эрпу¹ у кораля О-Кей. У нас было чудовище, которое жило в реке, и тайна, связанная с озером. У нас было привидение, которое витало над дорогой, преследуя черный гоночный автомобиль с языками пламени на капоте. У нас были свои Гавриил и Люцифер, а также мятежник-конфедерат, восставший из мертвых. У нас были иноземный завоеватель, мальчик с совершенной рукой, и, наконец, динозавр, преспокойно прогуливающийся по Мерчантс-стрит.

Это было волшебное место.

Мои воспоминания о мальчишеской жизни окутаны ореолом волшебства.

Я помню.

И хочу всем вам об этом поведать.

¹ *Уайатт Эрп* (1848–1929) — легендарный шериф, картежник и авантюрист времен освоения Дикого Запада.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРИЗРАКИ
ВЕСНЫ

Глава 1

ДО ВОСХОДА СОЛНЦА

— Кори? Просыпайся, сынок. Пора...

Я позволил ему вытащить меня из темной пещеры сна, потом открыл глаза и взглянул на него. Он уже был одет в темно-коричневую форму с его именем — Том, написанным белыми буквами поперек нагрудного кармана. Я учуял запах бекона и яиц, услышал радио, которое тихо играло на кухне. Гремели кастрюли и звенели стаканы: мама находилась в своей родной стихии, словно форель, попавшая в попутную водяную струю.

— Пора, — повторил отец и, включив лампу на столике рядом с моей кроватью, оставил меня потягиваться и прищуриваться, пока последние образы сна постепенно таяли у меня в мозгу.

Солнце еще не взошло. Была середина марта; за окном кроны деревьев трепал холодный пронизывающий ветер. Я мог почувствовать этот ветер, положив руку прямо на стекло. Когда папа вошел на кухню выпить кофе, мама поняла, что я проснулся, и сделала радио чуть погромче, чтобы услышать прогноз погоды. Весна пришла несколько дней назад, однако зима в этом году выдалась очень суровой и цеплялась за южные края острыми зубами и когтями, словно белая кошка. У нас не было снега — у нас вообще никогда не выпадает снег, — однако холодный ветер за окном исходил прямо из полярных легких Севера.

— Не забудь теплый свитер! — закричала мама. — Слышишь?

— Слышу, — ответил я и достал из комода зеленый шерстяной свитер.

Мою комнату освещал желтый свет лампы, слышалось приглушенное гудение калорифера. Здесь находились индейский ковер, красный, как кровь Кочиса¹; стол с семью потайными ящиками;

¹ *Кочис* — вождь индейского племени чирикауа-апаچی, лидер восстания 1861 года.

стул, покрытый иссиня-черным бархатом цвета плаща Бэтмена; аквариум с крошечными рыбками, такими прозрачными, что можно видеть, как бьются их сердца; уже упомянутый выше комод, к которому приклеены переводные картинки с самолетами моделей «Ревелл»; кровать со стеганым одеялом, вышитым родственницей Джефферсона Дэвиса¹; чулан и полки. О да, полки! Коллекции бесценных сокровищ. На этих полках — куча моих книг, сотни комиксов: «Лига Справедливости», «Флэш», «Зеленый Фонарь», «Бэтмен», «Дух», «Черный Ястреб», «Сержант Рок» и «Рота „Изи“», «Аквамен» и «Фантастическая Четверка». Еще тут номера журнала «Жизнь мальчишки», а также дюжина номеров «Знаменитых монстров кинематографа», «Сенсаций экрана» и «Популярной механики». Журналы «Нэшнл джиографик» высятся желтой стеной, и я не без некоторого смущения должен признать, что могу на память указать, где в них расположены все картинки из африканской жизни.

Полки тянутся бесконечно. Моя коллекция стеклянных шариков мерцает в банке с завинчивающейся крышкой. Засушенная циcada ждет лета, чтобы снова запеть. Игрушка йо-йо модели Дункана, почти целая, если не считать того, что у нее лопнула веревка, и папа давно обещает ее починить. Моя маленькая книжечка образцов тканей, которую я получил от мистера Парлоу в магазине «Стэгг-шоп для мужчин». Вырезанные из этой книжечки лоскутки играют роль ковров в моих моделях самолетов, я выстилаю ими проходы между вырезанными из картона сиденьями. Серебряная пуля, отлитая Одиноким ковбоем² для охоты на оборотня. Пуговица времен Гражданской войны с формы солдата-южанина, потерянная в битве при Шайло³. Мой резиновый нож для выслеживания заползших в ванну крокодилов-убийц. Мои канадские монеты, ровные и гладкие, словно северные равнины. Я просто невероятный богач.

— Завтрак уже на столе! — позвала мама.

¹ *Джефферсон Дэвис* (1808–1889) — сенатор, в 1861–1865 годах президент Конфедерации южных штатов.

² *Одинокий ковбой* — персонаж популярного сериала в жанре вестерна, герой в маске, борец за справедливость в Техасе.

³ *Битва при Шайло* (Шилохе; 6 апреля 1862 года) — одна из самых кровопролитных битв в истории Гражданской войны Севера и Юга.

Я застегнул свитер, имевший тот же оттенок, что и рваная рубашка сержанта Рока. На коленях моих синих джинсов красовались заплаты — знаки доблести, свидетельствующие о моих смелых столкновениях с колючей проволокой и гравием. Моя фланелевая рубашка была такой красной, что могла привести в неистовство быка. Носки были белыми, как голубиные крылья, а кеды темны, как ночь. Моя мама страдала дальтонизмом, а папа любил в цветах максимальные контрасты. Так что со мной все было в полном порядке.

Забавно: иногда смотришь на людей, которые подарили тебе жизнь и ввели в этот мир, и видишь в них самого себя. Тогда ты понимаешь, что каждый человек является своего рода компромиссом природы. От мамы мне достались тонкий легкий костяк и волнистые темно-каштановые волосы, а от отца я получил голубые глаза и заостренный нос с горбинкой. У меня длинные пальцы моей матери, «руки художника», как она любила говорить, когда я выражал недовольство, что мои пальцы слишком тонки, густые брови моего отца и маленькая ямочка его подбородка. Я мечтал проснуться однажды в облике Стюарта Уитмена из «Полосы Симаррона» или Клинта Уокера в «Шайенне». Истина заключалась в том, что я был тощим, неуклюжим ребенком среднего роста и заурядной внешности, и казалось, что я мог слиться с обоями, если закрою глаза и задержу дыхание. Однако, невзирая ни на что, в фантазиях я выслеживал нарушителей закона вместе с ковбоями и детективами, которых нам каждый вечер показывали по телевизору; в лесах, которые начинались сразу позади нашего дома, помогал Тарзану сражаться со львами; в одиночку воевал с нацистами, уничтожая их. В нашу небольшую компанию входили такие ребята, как Джонни Уилсон, Дэви Рэй Коллан и Бен Сирс, но меня едва ли можно было назвать заводилой. Когда я начинал волноваться во время разговора, мой язык прилипал к гортани, и тогда я просто замолкал. Мои друзья были примерно одного со мной возраста, роста и темперамента, и мы старались не лезть на рожон, будучи весьма жалкими воинами.

Именно потому, думаю, я и начал писать. Занялся исправлением ошибок, если вам будет угодно назвать это так. Исправлением ошибок как попыткой изменить сложившиеся обстоятельства в свою пользу, чтобы создать такой мир, каким он должен быть

по твоим собственным представлениям, а не таким, каким он был сотворен. В реальном мире у меня не было силы — в *моем* мире я становился Геркулесом, срывающим с себя цепи.

Одну черту, знаю точно, я унаследовал от моего дедушки Джейберда, отца моего отца, — страсть к познанию окружающего мира. Ему было семьдесят шесть лет, но он был крепок, как вяленое мясо, невоздержан на язык, к тому же имел невыносимый характер. Он постоянно рыскал по окрестным лесам вокруг своей фермы и часто приносил домой нечто, заставлявшее мою бабушку Сару падать в обморок: змеиную кожу, пустые осиные гнезда, даже мертвых животных. Он любил разрезать всяких тварей перочинным ножом и разглядывать внутренности, извлекая их кровоточащие кишки прямо на газеты. Однажды он повесил на дереве дохлую жабу и пригласил меня понаблюдать, как мухи пожирают ее труп. Бывало, приносил домой дерюжный мешок, набитый листвою, вываливал все его содержимое в гостиную и начинал тщательно изучать каждый листик через лупу, записывая замеченные между ними различия в один из сотен своих блокнотов. Он хранил окурки сигар и высушивал плевки жевательного табака, собирая их в специальные стеклянные флаконы. А то просто часами сидел в полной темноте и смотрел на луну.

Может, он был сумасшедшим. Возможно, сумасшедшими называют всех тех, у кого внутри еще остается магия и волшебство, хотя они уже давно не дети. По воскресеньям дедушка Джейберд читал мне комиксы и рассказывал истории о доме с привидениями, который стоял в маленькой деревушке, где он родился. Он мог быть придиричивым, глупым и мелочным, однако он зажег во мне огонек ожидания и жажду чуда, и с помощью этого света мой взор простирался далеко за пределы Зефира.

В то утро, еще до восхода солнца, я завтракал с родителями в нашем доме на Хиллтоп-стрит, а на дворе был 1964 год. Везде на земле ощущались тогда ветры перемен, но меня это совсем не беспокоило. В ту минуту я лишь хотел заполучить еще стакан апельсинового сока и помнил, что должен помочь отцу в делах, прежде чем он отвезет меня в школу.

Когда завтрак подошел к концу и все тарелки были вымыты, я вышел на холод, чтобы поздороваться с нашим Бунтарем и накормить его любимой подливкой. Мама поцеловала нас с папой;

я надел подбитую овечьей шерстью куртку и взял свои учебники, после чего мы с отцом вышли из дома и направились к нашему старенькому чихающему грузовичку-пикапу. Бунтарь на некотором расстоянии следовал за нами, но на углу Хиллтоп-стрит и Шоусон-стрит он неожиданно вторгся на территорию Бодога, доberman-пинчера, принадлежавшего семье Рэмси, и под громкий лай разгневанного хозяина вынужден был дипломатично отступить.

Перед нами простирался мирно спавший Зефир, а в небесах светился белый серп луны.

В нескольких домах уже горел свет. Но большинство окон оставались темными. Еще не было и пяти утра. Месяц блестел в изгибах реки Текумсе, но если бы там сейчас вздумалось поплавать Старому Мозесу, то ему пришлось бы скрести животом по грязи. Ветви деревьев на улицах Зефира, пока еще лишённые листья, слабо шевелились на ветру. Светофоры — в городе их насчитывалось ровно четыре, и располагались они на пересечениях основных трасс — с неизменным постоянством мигали желтым. На восточной окраине над широкой впадиной, на дне которой бежала река, раскинулся каменный мост с целым выводком горгулий. Кто-то говорил, что эти горгульи были вырезаны примерно в начале двадцатых годов и изображали известных генералов Конфедерации, павших ангелов, если можно так сказать. На западе скоростная магистраль извивалась среди лесистых холмов и убегала по направлению к другим городам. Железнодорожные пути проходили через Зефир на севере, в Брутоне, где обитало все негритянское население города. На юге располагался городской парк, где находилась эстрада с акустической раковиной для оркестра и несколько бейсбольных площадок. Парк был назван в честь Клиффорда Грея Хейнса, основателя Зефира, и там же стояла его статуя. Он сидел на утесе, подпирая рукой подбородок. Отец говаривал, что статуя выглядела так, словно Клиффорд страдал от длительного запора и не мог ни сделать свое дело, ни избавиться от горшка. Еще дальше на юг десятая трасса, вырвавшись за пределы города, петляла черной лентой среди болотистых лесов, проходя мимо стоянки трейлеров и берега озера Саксон, отлого уходящего вниз на никому неведомую глубину.

Отец повернул машину на Мерчантс-стрит, и мы оказались в самом центре Зефира, где находилось множество магазинов.

Здесь были «Парикмахерская Доллара», «Стэгг-шоп для мужчин», магазин кормов и металлических изделий, бакалейная лавка «Пигли-Вигли», магазин «Вулворт», кинотеатр «Лирик» и прочие достопримечательности. Впрочем, не так-то много их и было: стоило моргнуть несколько раз подряд, и окажется, что ты уже миновал все эти места. Потом мы оставили позади железнодорожные пути и проехали еще примерно мили две, прежде чем повернули к воротам с надписью: «Молочная ферма „ЗЕЛЕНЫЕ ЛУГА“». Автоцистерны стояли у погрузочной платформы, заполняясь свежим товаром. Повсюду кипела бурная деятельность, поскольку ферма открывалась очень рано, а время поездок молочников устанавливалось заранее.

Иногда, когда у отца выдавался особо напряженный график работы, он просил меня помочь ему развезти товар по городу. Я любил тишину и спокойствие, царившие по утрам. Я наслаждался миром, каким он являлся до восхода солнца. Мне нравилось наблюдать, какие разные люди приезжали в «Зеленые луга». Не знаю, почему я испытывал от этого такое удовольствие, — возможно, во мне проявлялось любопытство, унаследованное от моего дедушки Джейберда.

Отец пошел отнести накладную мастеру, остриженному под ежик крупному мужчине, которого звали мистер Бауэрс, а потом мы с отцом стали загружать нашу машину. Там были бутылки с молоком, картонные упаковки со свежими яйцами, ведерки с творогом, особый картофельный салат «Зеленые луга» и салат с бобами. Все это было еще холодным, недавно извлеченным из морозильной камеры, и молочные бутылки искрились в огнях погрузочной платформы. На картонных крышках было нарисовано улыбающееся лицо молочника и написано: «Товар для вас!» Пока мы работали, мистер Бауэрс подошел и стал наблюдать за нами, держа в руках папку с зажимом для бумаг. За его ухом торчала ручка.

— Думаешь, тебе понравится быть молочником, Кори? — спросил он у меня.

Я ответил, что да, возможно, я и стану молочником.

— Миру всегда будут нужны люди нашей профессии, — продолжал мистер Бауэрс. — Разве не так, Том?

— Верно, как дождь, — ответил мой отец.

Это была одна из его фраз на все случаи жизни, которую он произносил, когда слушал разговор вполуха.

— Приходи на работу, когда тебе стукнет восемнадцать, — сказал мне мистер Бауэрс. — Мы непременно устроим тебя здесь.

Он так хлопнул меня по плечу, что мои зубы клацнули, а бутылки, которые я нес в ящике, отчаянно зазвенели.

Потом отец сел за руль с большими спицами, я устроился рядом, отец повернул ключ зажигания, и мы отехали от погрузочной платформы, увозя молочный груз. Перед нами опускалась луна, последние звезды еще цеплялись за край ночи.

— Ну и что ты можешь мне сказать? — спросил папа. — Насчет работы молочником. Тебе действительно это нравится?

— Это было бы забавно, — ответил я.

— На самом деле не совсем так. Это хорошая работа, но каждый день это вовсе не забавно и не интересно. Кажется, мы никогда еще не говорили о том, чем ты хочешь заняться в будущем?

— Нет, сэр.

— В общем, я не думаю, что ты должен стать молочником, хотя бы потому, что я сам им работаю. Видишь ли, я вовсе не собирался заниматься этим делом. Дедушка Джейберд хотел, чтобы я стал фермером, как и он. Бабушка Сара мечтала, чтобы я выучился на доктора. Ты можешь себе это представить? — Он взглянул на меня и ухмыльнулся. — Я — и вдруг доктор! Доктор Том! Нет, сэр, эта работенка не для меня.

— А кем же тогда ты собирался стать, папа? — спросил я.

Отец некоторое время молчал. Казалось, он глубоко задумался над вопросом, который я ему задал. Мне пришло в голову, что, наверно, никто прежде не спрашивал его об этом. Отец вцепился в руль своими большими руками взрослого человека, словно вел беседу с дорогой, которая длинной лентой разматывалась перед нами в свете фар грузовика. А потом сказал:

— Первым человеком, высадившимся на Венере. Или наездником на родео. Или человеком, который способен прийти на пустырь и мысленно представить дом, который он хочет там выстроить, вплоть до последнего гвоздя и черепицы. Или детективом. — Отец издал горлом слабый смешок. — Но ферме был нужен молочник, им я и стал.

— Я не против стать гонщиком, — сказал я. Отец иногда брал меня на трассу недалеко от Барнсборо, где проходили соревнования гоночных машин, и мы сидели там, расправляясь с хот-догами

и наблюдая за снопами искр, вспыхивающими при ударах металла о металл. — Быть детективом тоже неплохо. Буду разгадывать разные тайны, как в серии книг «Братья Харди».

— Да-а, неплохо, — согласился отец. — Никогда заранее не угадаешь, как пойдут дела, но такова правда жизни. Идешь к своей цели уверенно, как стрела, летящая в мишень, и тебе кажется, что твоя мечта уже почти осуществилась, но направление ветра внезапно меняется, и все рушится. Я ни разу не встречал человека, который стал тем, кем мечтал стать, когда был в твоём возрасте.

— Мне хотелось бы перепробовать все работы в мире, — сказал я. — Я хотел бы прожить на этом свете миллион жизней...

— Да. — Отец задумчиво кивнул. — Это было бы замечательным примером волшебства, верно? Ага, вот наша первая остановка.

В этом доме наверняка жили дети, потому что вместе с двумя квартами обычного молока эти клиенты заказали две кварты жидкого шоколада. Потом мы снова двинулись в путь по тихим улицам, на которых не слышалось ни звука, если не считать шума ветра и лая ранних собак, а затем остановились на Шентак-стрит, чтобы вручить пахту и творог кому-то, по-видимому любившему кислятину. Мы оставили бутылки, блестящие от выступивших на них капель воды, почти у каждого порога на Бевард-лейн; пока отец быстро работал, я проверял путевой лист и готовил очередную порцию бутылок и упаковок, вытаскивая их из холодного кузова грузовика. Мы действовали как слаженная команда.

Отец сказал, что осталось еще несколько покупателей на южной окраине, недалеко от озера Саксон, а потом мы вернемся в этот район и закончим работу по доставке товара еще до того, как раздастся школьный звонок. Отец повел машину мимо парка и выехал за пределы Зефира. По обеим сторонам дороги вокруг нас сомкнулись лесные чащи.

Время приближалось к шести утра. На востоке над холмами, поросшими соснами и кудзу, небо начинало светлеть. Ветер пробивал себе путь сквозь плотно сомкнутые ряды деревьев, словно кулак драчуна. Мы миновали машину, следовавшую на север. Ее водитель мигнул нам фарами, а отец помахал ему рукой.

— Марти Баркли развозит газеты, — объяснил он мне.

Я подумал об особом мире, в котором работа начинается еще до восхода солнца, и о том, что люди, которые сейчас только про-

сыпались, не являлись частью этого своеобразного мира. Мы свернули с десятой трассы и поехали по грунтовой дороге, оставляя у маленьких домиков, которые гнездились в лесу, молоко, пахту и картофельный салат, а потом вновь двинулись на юг, в сторону озера.

— Колледж, — проговорил отец. — Тебе следует поступить в колледж — вот мое мнение.

— Вполне возможно, — ответил я. Это прозвучало так, словно сам я к этому не имел никакого отношения, по крайней мере сейчас. Все, что я тогда знал о колледжах, — футбольные матчи между командами Оберна и Алабамы и то, что некоторые хвалили Медведя Брайанта, а другие поклонялись Шугу Джордану. Тогда мне казалось, что выбор колледжа зависит от того, какого тренера ты считаешь лучшим из лучших.

— Но чтобы попасть в колледж, надо иметь хорошие оценки, — сказал отец. — Придется заняться твоими уроками.

— А чтобы стать детективом, тоже надо ходить в колледж?

— Думаю, да. Если хочешь стать настоящим профессионалом. Если бы я поступил в колледж, то наверняка смог бы стать таким парнем, который знает, как выстроить дом на пустом месте. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди, и это истинная...

«Правда» — хотел он сказать, но так и не договорил. Мы как раз сворачивали за поворот лесной дороги, когда из чащи прямо перед нами выскочил автомобиль коричневого цвета. Отец вскрикнул, словно его укусила шершень, и резко вдавил педаль тормоза.

Отец вывернул руль влево, и коричневый автомобиль проехал мимо; я увидел, что машина съехала с десятой трассы и покатилась вниз по насыпи справа от меня. Ее фары не горели, но за рулем кто-то сидел. Шины подмяли мелкий подлесок, а потом машина выехала на невысокий утес из красного камня и полетела вниз, в темноту. Раздался всплеск, и я понял, что машина свалилась прямо в озеро Саксон.

— Она упала в воду! — заорал я.

Отец тут же остановил грузовик и, поставив его на ручной тормоз, прыгнул в придорожную траву. Когда я выбрался из кабины, он уже со всех ног бежал к озеру. Ветер кружился вокруг нас, хлестал по щекам. Отец остановился как раз на уступе той красной скалы, откуда упала машина. В слабом розоватом свете мы смогли

разглядеть качающийся на волнах автомобиль. Огромные пузыри лопались вокруг его багажника.

— Эй-эй! — закричал отец, рупором сложив руки вокруг рта. — Вылезай оттуда, быстрее!

Всем было известно, что Саксон — озеро глубокое, как перво-родный грех, и когда автомобиль погрузится в темную бездну, он навсегда останется там.

— Эй, выбирайся оттуда! — опять закричал отец, но сидящий за рулем не отозвался. — У него, скорее всего, шок от холода, — сказал мне папа, скидывая ботинки.

Автомобиль стал поворачиваться к нам правой стороной, а потом раздался ужасный ревуший звук, который, вероятно, издал поток воды, с силой ворвавшийся внутрь машины. Отец сказал мне:

— Отойди чуть назад.

Я повиновался, а он прыгнул в озеро.

Он всегда был отличным пловцом. В несколько мощных гребков папа добрался до машины и увидел, что окно со стороны водителя открыто. Он чувствовал, как водоворот бешено крутится вокруг его ног, постепенно увлекая машину в бездонную глубину.

— Вылезай! — завопил папа диким голосом, однако водитель продолжал сидеть на своем месте.

Отец зацепился за дверцу, просунул руку внутрь и схватил водителя за плечо. Это был мужчина, рубашки на нем не оказалось. Тело его было бледным и холодным, и отец почувствовал, как по его коже поползли мурашки. Голова мужчины откинулась назад, и стал виден широко открытый рот. У него были светлые, коротко остриженные волосы, глаза заплыли от черных кровоподтеков, лицо изуродовано зверскими ударами до неузнаваемости. Вокруг его шеи была затянута медная струна от фортепиано, так туго, что тонкий металл впился в кожу и разрезал ее на горле до мяса.

— О боже! — прошептал отец, бултыхаясь в воде.

Автомобиль накренился и зашипел. Голова водителя вновь бес- сильно упала на грудь, как во время молитвы. Вода поднялась уже до уровня его голых коленей. Папа вдруг осознал, что водитель совсем без одежды, в чем мать родила. Что-то блеснуло на рулевом колесе — и отец заметил наручники, которыми правое запястье мужчины было приковано к внутреннему ободу руля.

К тому времени мой отец прожил на свете тридцать четыре го- да. Он и до того видел мертвецов. Один из его лучших друзей,

Ходж Клемсон, утонул в реке Текумсе, когда им обоим было по пятнадцать лет. Тело обнаружили лишь спустя три дня, раздувшееся и покрытое таким слоем желтой донной тины, что оно напоминало древнюю мумию. Он видел то, что осталось от Уолтера и Джанин Трейнор после ужасного лобового столкновения, происшедшего шесть лет назад, когда «бьюик» Уолтера столкнулся с лесовозом, которым управлял паренек, употреблявший психотропные вещества. Он видел темную блестящую массу, в которую превратилось тело Малыша Стиви Коули, после того как пожарные потушили огонь, охвативший черный гоночный автомобиль под названием «Полуночная Мона». Он уже не раз видел страшный оскал смерти и переносил это зрелище так, как подобает мужчине.

Но теперь все было иначе.

Лицо этого человека имело явные признаки насильственной смерти: его убили.

Автомобиль погружался все глубже и глубже. Когда его капот ушел под воду, заднее крыло поднялось. Прикованное к рулю тело снова дернулось, и отец что-то увидел на плече трупа. Голубоватое пятно на белом фоне. Нет, не синяк, а татуировка. Череп с крыльями, плавно скругленными в сторону костистых висков.

Вода потоком хлынула в машину, пузыри воздуха с громким хлопком вырвались наружу. Никто не мог отказать озеру в игрушке, которую оно требовало, чтобы упрятать в потайной ящик. Когда автомобиль начал плавно погружаться в темную глубину озера, невидимый водоворот схватил отца за ноги, чтобы утащить на дно и его.

Стоя на красном утесе, я увидел, как голова отца исчезла под водой, и закричал, охваченный ужасом:

— Папа!

Там, под водой, он боролся с мощью озера. Автомобиль под ним стремительно скользил вниз, и, когда отец стал отчаянно бить ногами, чтобы не провалиться в эту водяную могилу, образовавшиеся пузыри воздуха устремились к поверхности и освободили его из плена. Он стал взбираться вверх по их серебристой лестнице к спасительной воздушной мансарде.

Тут я увидел, как его голова пробилась водную гладь.

— Папа! — закричал я пронзительно. — Возвращайся на берег, папа!

Содержание

Предисловие. Почему я написал «Жизнь мальчишки»	5
---	---

Часть первая. ПРИЗРАКИ ВЕСНЫ

Глава 1. До восхода солнца	17
Глава 2. Падение в темноту	38
Глава 3. Захватчик	46
Глава 4. Осы на Пасху	69
Глава 5. Смерть велосипеда	89
Глава 6. Старый Мозес откликается на зов	105
Глава 7. Визит к Леди	129

Часть вторая. ЛЕТО ДЬЯВОЛОВ И АНГЕЛОВ

Глава 1. Последний день школы	155
Глава 2. Разговор в парикмахерской	168
Глава 3. Мальчик и мяч	181
Глава 4. «Я тусуюсь!»	204
Глава 5. Добро пожаловать, Люцифер!	219
Глава 6. Мама Немо и неделя с дедушкой Джейбердом	231
Глава 7. Поход с ночевкой	265
Глава 8. Чили Уиллоу	291
Глава 9. Конец лета	306

Часть третья. ОГОНЬ ОСЕНИ

Глава 1. Шляпа с зеленым пером	315
Глава 2. Волшебная шкатулка	335

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 3. Обед у Вернона	351
Глава 4. Гнев Пяти Раскатов Грома	377
Глава 5. Дело № 3432	394
Глава 6. Наперегонки с мертвецом	418
Глава 7. Полдень в Зефире	434
Глава 8. Из Затерянного мира	463
Часть четвертая. ХОЛОДНАЯ ПРАВДА ЗИМЫ	
Глава 1. Одинокий путник	497
Глава 2. Вера	523
Глава 3. Лоскутки одеяла	550
Глава 4. Крепость мистера Моултри	565
Глава 5. Шестнадцать капель крови	594
Глава 6. Незнакомец среди нас	616
Часть пятая. ЗЕФИР КАК ОН ЕСТЬ	647
Моя благодарность	667

Маккаммон Р.

М 15 Жизнь мальчишки : роман / Роберт Маккаммон ; пер. с англ. О. Колесникова, Б. Кадникова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 672 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-16146-7

Двенадцатилетний Кори Маккенсон — большой фантазер. Он наделен удивительным даром воображения, видит то, чего не замечают другие, и все ему кажется необыкновенным. Хотя что необыкновенного в захолустном городке американского Юга 1960-х? Жизнь Кори проста и незатейлива: встать пораньше, помочь отцу-молочнику, потом пойти в школу, вечером погулять с друзьями... Но однажды Кори и его отец становятся свидетелями автомобильной аварии, и выясняется, что падение машины с моста в озеро было подстроено, чтобы скрыть преступление. Пытаясь разгадать, кто же этот таинственный убийца, Кори проходит нелегкий путь. Его поиски истины — это путешествие в мир, где сталкиваются невинность и зло, страх и благоговение, магия и безумие, фантазия и реальность.

Роман Роберта Маккаммона, увидевший свет в 1991 году, был заслуженно удостоен сразу двух наград — премии Брэма Стокера и Всемирной премии фэнтези в номинации «Лучший роман». Уже тридцать лет эта книга, написанная в лучших традициях романа «Оно» Стивена Кинга и рассказов Рэя Брэдбери, продолжает оставаться бестселлером во многих странах мира!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ МАККАММОН
ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Юлия Зачесова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.11.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ABB-24576-01-R